

Все события, описанные в этой книге, — выдуманы, все совпадения — случайны. Не выдуманы только строки из «Откровения Иоанна Богослова».

Глава 1

Василич, а Василич...

— Ну...

Василичу было хорошо. Вечер был тих и тепел, тепло согрето ста граммами водки, комары не надоедали своим писком, а небо... Небо наклонилось и накрыло его черной прозрачной бездной. Состояние было настолько хорошее, насколько и хрупкое, словно наколдовал какой-то маг-волшебник, но с условием: лежать молча, а как только вымолвишь слово, колдовство все и закончится. Лешка своим вопросом нарушил это колдовство. Василич недовольно поморщился.

— Василич, ты в Зоне с самого начала. Скажи, а правда, что там живет какой-то дух? Ну, в смысле привидения, что ли...

— Нет там никакого духа. И привидения нет. В Зоне живет Хозяин, — пробурчал Василич. Удивительное состояние единения с августовской ночью пропало окончательно.

— Кто-кто?

— В Зоне живет Хозяин.

— Зачем?

— Что зачем?

— Живет зачем?

— Чтобы нас, дураков, от нас же и защищать.

— Как это? Расскажи! Что за Хозяин такой? Откуда взялся?

Василич повернулся к костру и примостил для удобства под голову рюкзак.

— Никто не знает, откуда он взялся. Может, мутант, а может, пришелец с другой планеты, кто его знает...

— А ты видел?

— Его никто не видел, его нельзя ни увидеть, ни услышать. Можно только почувствовать.

— Что значит почувствовать? Холодом веет, как от привидения?

— Дурак ты, Лешка... Привидение... Сказано тебе — Хозяин! Он появился в Зоне после аварии, и сейчас там без его ведома ничего не делается. Если кто его рассердит — пусть побережется! Без защиты Хозяина на неприятность запросто нарваться можно.

— Неприятность? Что ты имеешь в виду?

— В прошлом году у нас из Зоны троих вывели. За час работы на Укрытии годовую дозу получили. Поперлись туда с бодуна и нарвались...

— Так потому, наверное, и нарвались на облучение, что с бодуна были?

— Как бы не так! С ними был дозиметрист, с ним-то все в порядке! Они шли за ним и получили на полную катушку. В Зоне давно знают: Хозяин пьяных не любит. А эти не верили, вот и получили.

Маленький колеблющийся огонек в непроглядной темноте летней ночи был виден издалека. У небольшого костерка, изредка постреливающего жаркими искрами, которые тут же превращались в серые пепельные крупинки, расположились четверо. Один, самый пожилой, лежал на спине, закинув руки за голову, и внимательно смотрел в чернильное небо. Остальные трое молча сидели на одеяле, уставившись на огонь. Уха была доедена, водка почти вся выпита. Почти — потому что Василич, тот самый, что смотрел в звездное небо, был рыбаком опытным. Прежде чем начинать готовиться к выезду на рыбалку, он всегда уточнял: «На кой черт мы едем на берег?» Если ехали на рыбалку, то спиртного не брали вообще или, если планировалась уха, одну бутылку водки на всех, ибо уха без водки — рыб-

ный суп, а это уже полная профанация кулинарного искусства Василича. А вот если ехали «дурака валять», тогда набивали сумки по полной программе. В таких случаях Василич говорил, что водка веса не имеет. Сегодня приехали ловить рыбу, поэтому водку пили только для того, чтобы уха не казалась рыбным супом. А после ста граммов как не поговорить?

— Василич, расскажи о Хозяине.

— Ладно, только чур не перебивать. Не люблю, когда перебивают.

* * *

Тепло в том году пришло необыкновенно рано, в конце апреля установилась почти летняя жара. Солнце словно замерло в белесой безбрежности неба и уже не грело, а жгло, словно готовя природу к сухому жаркому лету. Ветра не было вовсе. Уж не заблудился ли он где-нибудь в полесских лесах, среди берез и стройных елок над быстрой красавицей-речкой?

И в этот жаркий почти еще полдень, в тринадцать часов пять минут, был сделан первый шаг навстречу падающей звезде: от сети был отключен седьмой турбогенератор — блок готовили к выводу на планово-предупредительный ремонт. Еще через пятьдесят пять минут в том же направлении был сделан второй шаг: отключили аварийное охлаждение реактора.

Их было много, этих шагов. Ступенька за ступенькой складывалась лестница, по которой Городу предстояло взойти на Голгофу. Пятьдесят тысяч человек отдаст безжалостная и бесчеловечная система на заклятие радиоактивному молоху, а немало погода еще тысячи, десятки тысяч...

В начале двенадцатого ночи мощность четвертого реактора продолжили снижать: еще шаг. В полночь на блоке сменилась смена. Пришли те, кто потом разделит между собой бремя славы и позора: те, кто сделает все, чтобы взорвать реактор, и те, кто приложит максимум усилий, чтобы спасти его, заплатив за то и другое одинаковую цену — жизнь. В час ночи снижение мощности реактора не прекращалось. Еще ступенька.

Инженер, управляющий работой реактора, не смог удержать его мощность в нужном режиме. И начался быстрый шаг, потом бег и, наконец, бег с невыносимым ускорением. Ступеньки становились все круче, но бежать по ним становилось все легче, словно бежали не вверх, а вниз, набирая скорость и инерцию. И когда инженер понял, что остановить бег невозможно, его палец лег на кнопку аварийной защиты-5, которая должна была немедленно остановить реактор. Нажал на тормоз, а получилось, что нажал на газ. В одной точке соединились ошибки конструкторов, проектировщиков и эксплуатационников, и, вместо того чтобы остановиться, реактор взорвался.

* * *

— *Все это было давно. А может, и недавно... Кто скажет: двадцать лет — это много или мало? Для того чтобы нажать кнопку — бесконечно много, для того чтобы устранить последствия этого нажатия — бесконечно мало... Все относительно... Все относительно... Абсолютна только смерть. И то под вопросом...*

— *Василич...*

— *Заткнись, а? Давайте спать, завтра рано вставать. Мы все же на рыбалку приехали или как?*

— *А дальше что было? И вообще, откуда ты узнал про Хозяина?*

— *Дальше? — Василич помолчал, собираясь с мыслями. — Ладно... Надо же хоть когда-нибудь рассказать об этом.*

И он продолжил свой рассказ.

* * *

— Ну что вы, дорогой Рауль! О каком закрытии АЭС может идти речь? Пока атомная энергетика вырабатывает треть — слышите, треть! — электроэнергии в стране, ни о каком закрытии АЭС в Германии не может быть и речи! Это все популизм и глупости.

Дородный Карл Швисс неожиданно легко поднялся из глубокого кресла и неторопливо прошел к бару. Мягко и бесшум-

но распахнулась дверца, открыв соблазнительную батарею разнообразных бутылок. Отель «Президент» не скупился для своих постояльцев.

— Выпьете глоток чего-нибудь? Или по-прежнему предпочитаете мартель всему остальному? Вы, французы, неисправимые националисты! Может, русской водки? Или капельку текилы? Зная ваш вкус, виски не предлагаю.

Швисс вытащил из бара квадратную бутылку текилы и любовался на свет коричневатым цветом прозрачного напитка.

— Говорят, ее из кактусов делают? Не знаете, Рауль? Вы же там во Франции все виноделы...

— Вино из кактусов, насколько я знаю, во Франции не делают, да и не растут у нас кактусы, как вам известно... Кстати, почему любовь к отечественному коньяку — это национализм? Я люблю мартель за то, что это хороший коньяк, а не потому, что он французский.

— Хо-хо, дорогой Рауль! Благодарите Бога, что эти слова не слышат ваши журналюги! Уж они бы вас раскатали... За отсутствие патриотизма! Ну так что же? Не хотите?

Швисс поставил текилу в бар и достал другую бутылку, тоже квадратную, внимательно прочитал этикетку, хмыкнул и пробурчал:

— Как можно соединить перец и мед? Бред! Но интересно...

Он налил в рюмку на полпальца светло-коричневой жидкости и поднес к своему большому носу. Швисс был знатоком крепких алкогольных напитков, дома у него был хороший бар, больше напоминавший витрину богатого магазина. Вино он тоже любил, но не так, как водку, коньяк, бренди и тому подобные напитки крепостью от сорока градусов и выше. Ему нравилось определять букет, сравнивать вкус напитков, но он никогда не пил больше, чем нужно. Поэтому, при всей любви к алкоголю, Швисс умудрился не спиться и сохранить свежесть лица — главный признак, который отличает человека, пьющего в меру, от человека, эту меру потерявшего.

— Интересно... Так что вам, Рауль? Может, попробуете это новое пойло? Мед с перцем...